

гоны. Генерал армии Захаров был «генерал-полковником Золотовым». Многие штабные генералы и офицеры в период Маньчжурской операции имели псевдо-фамилии. Я, например, до вылета парламентаром именовался полковником Артамоновым. И первое донесение из Чанчуня подписывал этой фамилией. Японскому командованию было известно, что Забайкальским фронтом руководит не генерал М.П. Ковалев, который всю войну был в Чите, а «какой-то генерал-полковник Морозов», о котором оно по данным своей разведки узнало только в августе.

— Ваш командующий, — продолжал Ямада, — может больше чем гордиться вами. Но все же что будет, если я не приму требования вашего командующего? И императорские войска будут продолжать сопротивление и дальше?

— Считаю, ответил я, — что Ваши действия будут не только неверными, но и несправедливыми. Ваши солдаты, как и все живые люди, не хотят умирать. Мирные города и села, дети, женщины, старики, все жители не должны быть уничтожены по вашей вине. Следовательно, и вам об этом необходимо подумывать.

Не успел переводчик перевести сказанное мною, как в кабинет вбежал дежурный офицер и что-то растерянно и взволнованно начал докладывать по-японски. Титаренко не успевал переводить. Тогда я попросил генерала Тамокацу повторить доклад, а переводчиков подробно перевести.

Оказывается, дежурный офицер сообщал:

— Ваше превосходительство, к столице приближается большая армада русских тяжелых самолетов под сильным прикрытием истребителей. Наши самолеты подняться не могут. Аэродром с боевыми истребителями блокирован русскими истребителями.

Ямада с ужасом и удивлением смотрел на меня. Затем в упор спросил:

— Господин парламентар! На сей раз смею вас спросить как военачальник своих войск и территории, на которой вы находитесь. Что это значит? Надеюсь, вы сможете объяснить?

Я медленно, с расстановкой ответил:

— Безусловно, это самолеты, вызванные мною, мне в помощь для успешных переговоров. Десант и бомбардировщики идут в мое распоряжение и будут действовать по моей воле.

За весь день я смог позволить себе первый раз улыбнуться и через переводчиков продолжил:

— Смею вас также заверить, как военачальник тех сил, которые сюда следуют пока по воздуху, что независимо от вашего поведения и обращения со мною, если в условленное время я не сообщу своему командованию положительных результатов, город Чанчунь и его окрестности, которые вы превратили в военную крепость, будут подвергнуты самой разрушительной бомбардировке с воздуха до полного разгрома ваших войск в этом укрепленном районе вашей столицы. Как видите, оттяжка во времени в наших переговорах ничего хорошего и для вас не сулит. Советское командование в первую очередь считается с жизнью людей, хотя эти люди и являются пока нашим противником. Учтите,

господин генерал, что от вашего поведения, а следовательно и решения зависит многое. В том числе и судьба и целостность ваших городов и сел, жизнь мирного населения, живущего там. Да и ваши солдаты куда больше ценят жизнь, нежели смерть, и давно убедились, как нам известно, в бесполезности сопротивления. Вы сами знаете, что они скорее сдаются в плен, чем делают харакири.

Слово «харакири» как огнем обожгло Ямаду, он нервно вздрогнул и произнёс:

— Харакири, харакири, кому оно нужно, тем более сейчас. Видать только Анами! Вы хорошо сказали - жизнь человеку дороже всего на свете и уж конечно дороже смерти.

За время наших разговоров после доклада дежурного офицера прошло не более 10-15 минут. Самолеты уже подошли к городу, передовые эскадрильи низко проходили над его кварталами. Слышен сильный рокот моторов, дребезжат стекла в окнах. Генерал Тамокацу и другие поспешно выбежали на балкон и всматриваются ввысь, где летят наши самолеты.

Я не сошел с места, не сошел с места и Ямада, но бледнел сильнее, нервничал, казалось, даже дрожал. С дрожью в голосе он в упор через стол спросил, что переводчик почти мгновенно перевёл:

— Господин полковник, есть ли ещё время и возможность предотвратить бомбардировку города? И если это в вашей власти и возможностях, - от имени всех своих солдат и офицеров, всех подчиненных прошу вас это сделать. Не повторяйте трагедии Херасимы и Нагасаки, это было ужасно. Прошу только ради них, ради мирных жителей Чанчуня, за это они вам будут больше чем благодарны.

Переводчики перевели. Я попросил соединить меня по телефону с авиабазой, где у телефона неотлучно находился майор Моисеенко. Умышленно не торопясь подошёл к телефону, по установленному шифру продиктовал ему

— Передать в эфир по радию из СИ-47: самолетам с десантом идти на посадку по сигналу Барышева. Бомбардировщикам баражировать над городом моего сигнала, а при отсутствии сигнала в условленное время выполнять приказ командующего. Барышеву передать сигнал в Тунляо о том, что условия для высадки десанта в Мукдене обеспечены.

Ямада, слушая перевод, кивает головой в знак согласия и одобрения. Затем обращается ко мне с просьбой-вопросом:

— Каким временем располагает советский парламентар для ведения переговоров?

Я ответил: — Времени, господин Ямада, осталось очень мало. Но его достаточно для того, чтобы, вы как командующий сами осознали безвыходность вашего положения, безнадежность и напрасность вашего сопротивления. А также для того, чтобы убедиться в неизбежности капитуляции ваших войск и принятия ультиматума моего командования. Наконец, для того, чтобы отдать приказ своим войскам, прекратить огонь, сопротивление, сложить оружие, сдаться в плен.

Ямада внимательно выслушал перевод, посмотрел на всех присутствующих японцев и, почему-то крепко закрыв глаза, произнес:

– Надеюсь, что ваше слово парламентарской и офицерской чести есть полная гарантия того, что во время переговоров и до их окончания наша столица Чанчунь бомбардировке подвергнута не будет.

Когда переводчики перевели, я ответил:

– Даю слово советского парламентаря и офицера, уполномоченного маршала Малиновского. Можете на него положиться и верить.

– Хоросьо, хоросьо, – произнес Ямада по-русски. Затем, заложив руки за спину, быстро зашагал взад и вперед за своим рабочим столом, так же быстро остановился, точно против меня, и четко по-военному произнёс:

– Господа генералы и офицеры доблестных императорских войск, мои подчиненные! Я решил.

Тут он замолчал и так молча еще несколько секунд шагал по кабинету.

– Слушайте меня!

Переводчики переводили каждое сказанное Ямадой слово. Напрягая все свое внимание, я старался понять, какое решение примет Ямада: капитулировать или пленить меня и продолжать сражаться, то есть воевать до полного разгрома своих войск.

Ямада молчал, наклонив голову, и так молча стоял около минуты. Все присутствующие также молчали и наклонили головы, как это умеют делать только японцы. Ох, как хотелось мне в эту минуту знать, что они все думают, что решил Ямада! Немая тишина казалась гнетуще роковой. А минута молчания в ожидании ответа была, пожалуй, самой тяжелой и самой загадочной в моей жизни.

После этого Ямада высоко и как будто гордо поднял голову и напряженно заговорил:

– Я несу всю ответственность перед богом и перед императором за судьбы наших войск и посему решаю сохранить жизнь наших войск, своему солдату. Я согласен на капитуляцию.

Сказав эти слова, он быстро, почти мгновенно выхватил из ножен свой «меч духа», – генеральскую самурайскую саблю с двойным позолоченным эфесом и дрожащей рукой поднял ее высоко над головой, медленно поднес к губам и трижды крепко поцеловал. Затем двумя руками перевел меч в горизонтальное положение и подал его мне через стол, низко наклонил голову и произнёс:

– Теперь я ваш пленник, диктуйте свою волю.

Из глаз генерала катились крупные слёзы. Ямада их уже не скрывал.